

Н.Г. КОЛОСОВА (СОЛОДОВНИКОВА)
(Волгоград)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОЦИЙ

Обосновывается наличие у эмоций экологической функции, анализируется суть эгоцентрического поворота в сознании современного человека и рассматриваются причины экологизации науки

Ключевые слова: *эмотивная эколлингвистика, экологическая функция эмоций, экологизация науки, эгоцентрический поворот*

Лингвистика, как известно, позже других наук осознала, что эмоции являются и ее объектом. Благодаря лингвистике эмоций (эмотиологии) к концу 80-х гг. XX в. в гуманитарной парадигме был накоплен внушительный объем знаний об эмоциях в языке. Идеи, заложенные В.И. Шаховским в исследовании категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка, получили свое развитие в работах его учеников и коллег, разделяющих взгляды ученого (Я.А. Волковой, П.С. Волковой, В.В. Журой, С.В. Ионовой, Н.А. Красавским, Т.Г. Ренц, Н.А. Сребрянской и др.). Эмотиология занимается изучением различных аспектов эмоций в коммуникации – сложного и многогранного объекта целого ряда наук, которые, при всей внешней несхожести развиваемых в них концепций, являются, скорее, взаимодополняющими, нежели противоречащими друг другу. Поскольку лингвистика эмоций исходит из тезиса, что эмоции сопровождают человека повсюду, окрашивая всю его жизнь, ведь человек, по К. Изарду, – биопсихосоциальное существо [2], очевидно, что одной из важнейших сфер интереса названной отрасли знания являются *функции эмоций* в человеческой жизни вообще и в его коммуникации в частности.

Наука давно обратила внимание на тот факт, что эмоции полифункциональны, а ученые успели выделить и описать их сигнальную, регулятивную, гедонистическую, суггестивную, когнитивную, адаптивную, оценивающую и другие функции. Поскольку в настоящее время активное развитие получает такое молодое научное подразделение эмотиологии, как *эмотивная эколлингвистика*, понятным становится желание ее представителей исследовать *экологическую функцию эмоций в коммуникации*. Известно, что введение экологического аспекта в эмотиологию и выделение эмотивной эколлингвистики произошло совсем недавно, и это вызывает множество вопросов и сомнений у представителей смежных областей знания.

Данная статья посвящена обоснованию наличия у эмоций экологической функции. Поскольку предлагаемое в данной статье название *экологическая функция эмоций* впервые вводится в терминологический аппарат эмотивной эколлингвистики, попытаемся раскрыть ее содержание.

Мы разделяем мнение В.И. Шаховского, что экология, валеология и эмотивная лингвистика являются тремя источниками *эмотивной эколлингвистики*. При этом эмотиология, с нашей точки зрения, является основой методологической базы эмотивной эколлингвистики, поскольку последняя в большей мере опирается именно на ее терминопонятия и пользуется методом эмотивного анализа коммуникативных ситуаций в качестве основного, в сравнении с ее ориентацией на достижения других наук. Соединение эмотивной лингвистики с валеологией обеспечивает признание экологии человека в коммуникации, т.е. сбережение его эмоций и языка, главным объектом эмотивной эколлингвистики. И если сохранение и совершенствование языка – общая задача всех лингвоэкологов, то экология (сохранение здоровья) эмоций человека в коммуникации через использование эмотивно здорового (экологичного) языка – это предметная область экоэмотиологов.

Иными словами, доминантой лингвоэкологов является, по выражению редактора «Словаря-справочника лингвоэкологических терминов и понятий» Л.Г. Татарниковой, благоговейное отношение к языку и речи [9, с. 6]. При этом доминантой экоэмотиологов, по нашему мнению, является возвышение

человека в коммуникации. С этой точки зрения успешная коммуникация всегда экологична. Это означает, что: 1) адресант и адресат реализовали все поставленные в конкретной эмоциональной ситуации цели; 2) эта реализация произошла через использование этических эмотивов; 3) после окончания общения все его участники почувствовали себя лучше, чем до него. Выполнение этих трех условий зависит от позитивности, эмоциональности, эмотивности и эмотиогенности: 1) изначальный эмоциональный импульс должен быть положительным (искренняя доброжелательность); 2) языковая реализация должна быть этической и эстетичной (отбор и использование положительнооценочных эмотивов); 3) у коммуникативного партнера должны возникнуть ответные положительные эмоции.

Данные положения, как правило, вызывают вопрос о том, всегда ли экологичны только положительные эмоции. Мы полагаем, что нет (вспомним случаи *праведного гнева* и *благородной ярости*). В основе экологичного общения лежит искренняя доброжелательность и интенция возвышения адресата. Однако искренние, справедливо возникшие отрицательные эмоции (вспомним слова Аристотеля, что самое трудное – это уметь правильно гневаться именно на того человека, в нужный момент, подобающим образом, в соответствующей ситуации) имеют право называться экологичными. Но искренние, справедливые эмоции, например, группы гнева, должны получать этичную (вежливую) упаковку. Если эмотивы отвечают условию этичности, а результатом общения в той или ситуации становится то, что все его участники расходятся, почувствовав себя лучше (позитивная эмотиогенность), мы считаем такое общение экологичным.

Сделаем попутное отступление и вернемся к лингвоэкологии как одной из составляющих методологическую базу эмотивной эколингвистики. Сохранение русского языка и речи как общенародного достояния, культуры речи и речевого взаимодействия, речевого поведения и речевой коммуникации – насущная проблема нашего времени. Быть создателем, а не разрушителем родного языка, заботиться о чистоте языковой среды и речевого здоровья языковой личности – главная мысль автора, заложенная в уже упоминавшемся выше словаре [Там же, с. 2].

В статье «К философским основаниям предметной области эколингвистики» А.П. Сковородников расширяет данное понимание. Он отмечает, что предметная область эколингвистики должна включать в себя и аспект сохранения, и аспект *возрастания*, то есть развития, совершенствования (курсив наш – Н.К.), и приводит следующее высказывание М. Хайдеггера: «Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга тяготения жизни. Сущность жизни немислима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует» [7, с. 143]. Как отмечает А.П. Сковородников, у большинства пишущих на эколингвистические темы до настоящего времени предмет этой формирующейся дисциплины связывается преимущественно с негативными процессами, происходящими в языке и речи, и, соответственно, только с идеей сохранения и защиты языка, а не его творческого развития [Там же].

По нашему мнению, из приведенного пассажа можно сделать вывод, что лингвоэколог должен приветствовать креативное обращение его носителей с языком. Но такое обращение, с нашей точки зрения, может осторожно производиться, в первую очередь, пользуясь термином О.Б. Сиротининой, элитарными языковыми и речевыми личностями. Коммуникативным рискам и влиянию видных деятелей своего времени на культуру носителей языка посвящен целый цикл работ названного ученого и ее последователей [5; 6].

Многими исследователями уже отмечалось, что в настоящее время все чаще звучат тревожные призывы экологов всего мира обратить внимание человечества на стремительно ухудшающееся состояние окружающей среды. Они ориентируют людей если не на восполнение, то хотя бы на сбережение природных ресурсов. К защитникам природы присоединяется все больше представителей эко-ориентированных областей знания. Их глобальная цель состоит в осуществлении экоцентрического поворота в сознании современного человека. Вероятно, именно названным стремлением экологов можно объяснить экологизацию гуманитарной науки. Присоединяются к экологам природы экологи коммуникации.

По словам С.В. Ионовой, потребность в экологизации жизни появляется тогда, когда осознается реальная угроза нарушения экологического равновесия в важнейших аспектах жизнедеятельности человека. Экологический аспект лингвистических исследований, актуализировавшийся сегодня, связан с потребностью общества в восстановлении экологического баланса в сфере речевой коммуникации, нарушения в котором ощущаются носителями языка, учеными и фиксируются официальной статистикой. Значительная часть неэкологических речевых действий всегда связана с эмоциональной сферой общения, поскольку не существует неэмоциональных личностей, а нарушение баланса в системе ценностей, личностных смыслов, мотивов, физических рефлексов и социальных чувств являются зримыми, имеют очевидные психологические и социальные проявления, остро переживаются участниками коммуникативных ситуаций [4, с 323–324].

Вероятно, именно тем фактом, что потребность в экологизации жизни современного российского общества остро осознается не только одними лингвоэкологами, можно объяснить введение экологического аспекта в целый ряд научных парадигм. В настоящее время активно развиваются такие отрасли, как *экопсихология*, *экопедагогика*, *эколингвистика*, *эмотивная лингвоэкология* и др. Одноименные направления стараются упрочить свои позиции в науке, а потому достаточно быстро развивают собственные терминологические аппараты и предлагают исследовательские методы, аккумулируя и по-своему преломляя опыт наук-предшественниц. Термины *методика экологического образования*, *эколого-педагогическая деятельность*, *экологическая культура*, *эколого-развивающая среда*, *экологически ориентированная личность*, *эколого-педагогическая подготовка*, *экологическая воспитанность и обученность* и другие ассоциируются уже не с природоведением, а с человековедением.

Приведенный терминологический перечень свидетельствует о том, что современные люди осознают необходимость в экологическом просвещении. Считаем, что поскольку вся жизнь человека связана с эмоциями, именно эмотивная лингвоэкология может отчасти реализовать эту дидактическую функцию.

Как отмечают многие исследователи, о необходимости всеобщего экологического образования мир заговорил после того, как была осознана опасность глобального экологического кризиса, охватившего всю планету. В настоящее время Земля переживает многочисленные природные и антропогенные катаклизмы. Происходят глобальные экологические изменения с непредсказуемыми последствиями не только в природе, но и в социуме. Именно поэтому большое внимание необходимо уделять человеческому фактору в языке, то есть эмоциям человека. Существует острая необходимость повысить уровень знаний людей и изменить их отношение к природе и самому себе. Трудно не согласиться с тем, что до сих пор господствует потребительское отношение к миру природы, которое привело к глобальному экологическому кризису. Поэтому со всей очевидностью встал вопрос о всеобщем экологическом образовании. Разработка общих стратегий экологического образования в настоящее время проводится на уровне ООН. Генеральный директор ООН Ф. Майор считает, что важнейшим фактором решения экологических проблем должно стать глобальное воспитание, которое поставит экологические вопросы в центр всех учебных программ. Если не внушить человеку простую и убедительную мысль, что люди – это часть природы, наше выживание, защита окружающей среды могут оказаться лишь абстрактными понятиями [10, с. 7].

В решении этих проблем основную роль должен сыграть человеческий фактор – это экологическое мышление, экологическое сознание, экологическая культура людей и экологический интеллект. Считаем, что введение экологического аспекта в лингвистику эмоций отвечает современным тенденциям науки. И лингвистическая теория эмоций В.И. Шаховского, как мы уже обосновывали в предыдущих работах [8], представляет собой попытку формирования эгоцентрического сознания через развитие экологической компетенции коммуникативной личности. Экологическая компетенция коммуникативной личности (а человек, с точки зрения лингвистики эмоций, в первую очередь, *homo sentiens*) состоит в умении обращаться с эмоциями, в том числе, с эмоциями в языке. Следовательно,

необходимо *специально* рассказывать об экологии эмоций и обучать осторожному обращению с ними. Необходимо давать современным коммуникантам знание о потенциальных эмоциогенных рисках, напоминать о параметрах экологичного общения и трех основных его составляющих: искренности, доброжелательности, этичности.

Мы выдвигаем искренность на первую позицию в списке, поскольку она составляет начало любого экологичного общения. Его основу образует доброжелательность, поскольку в ней изначально заложена бережность в отношении коммуникативного партнера. А истинная этичность – это уже уровень экспликации эмоций в соответствующих эмотивах.

Считаем необходимым развести понятия *истинной этичности*, которая исходит, прежде всего, из заботы о партнере по коммуникации, а не своего собственного удобства, а также отвечает условиям искренности, доброжелательности и справедливости, и «*приличной*» *упакованности* (термин С.В. Ионовой) негативного, неискреннего, недоброжелательного, несправедливого отношения (а оценка, с точки зрения лингвистики эмоций, сопряжена с эмоцией). Приличная упаковка неэкологичных эмоций находит воплощение в таких формах, как нетолерантное (или конфликтное) общение, эмоциональное игнорирование (умышленное неиспользование положительных эмоций в определенных ситуациях – невнимание, пренебрежение) и эмоциональное (де)табуирование (ограничение на интенсивное выражение переживаний или, напротив, вседозволенность и распушенность) [4, с. 325, 327, 329].

Известно, что психологическая база экологического кризиса – антропоцентрическое сознание. Суть его состоит в том, что высшую ценность представляет человек, все остальное в природе ценно лишь постольку, поскольку оно может быть полезно человеку, а может и вредно; природа объявляется собственностью человека, причем, как само собой разумеющееся, считается, что он имеет на это право. При эоцентрическом подходе высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы. Природное признается изначально самоценным, имеющим право на существование, вне зависимости от полезности или бесполезности для человека. Человек – не собственник природы, а один из членов природного сообщества [10, с. 13].

Через эмоции сам язык становится ключом к изучению человека: он номинирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, эксплицирует, имплицитно, моделирует эмоции и формирует, транслирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [11]. Знание об эмоциях человека должно, по нашему мнению, предварять обучение экологическому аспекту в коммуникации.

Эоцентрический поворот позволяет говорить о том, что через эмоции нужно рассматривать язык как ключ к изучению человека уже как части природы. Именно здесь, на наш взгляд, получает реализацию экологическая функция эмоций. Как уже отмечалось ранее, мы понимаем эмотивную лингвоэкологию как новое лингвистическое направление, объектами которого являются языко-/речеохранение и здоровьеохранение человека с помощью языка. Вводя элемент «эмоциональный», можно отметить, что объектом эмотивной лингвоэкологии является *здоровьеохранение эмоций* и использование *эмотивно здорового языка*.

Рассмотрение эмоциональности в качестве важнейшего регулятора экологичности высказывания снова возвращает нас к мысли о методологической роли лингвистики эмоций для эмотивной лингвоэкологии в коммуникологической парадигме исследования. Дидактической функцией эмотивной лингвоэкологии является формирование эмоционально-эмотивной экологической компетенции коммуникативной личности.

По словам С.В. Ионовой, чью точку зрения мы разделяем, критерием эмотивной компетенции коммуникативной личности является ее «умение породить (в практике обучающей и естественной коммуникации) эмотивно корректные тексты; критерием ее эмоциональной и гражданской зрелости, очевидно, может служить способность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражение иных концептосфер и других культур» [3, с. 23].

Уникальность лингвистики эмоций объясняется тем, что она восполняет пробел в знаниях и умениях коммуникативной личности в области окрашенной эмотивностью общения, т. е. формирует ее эмоционально-эмотивную экологическую компетенцию, и, в первую очередь, развитие этой компетенции состоит в обучении экологизации общения через введение понятий об экологических параметрах и экологической функции эмоций.

Для достижения поставленной задачи в обучении необходимо помнить один из ключевых тезисов эмотиологии: эмоция порождает ситуацию (и наоборот). Добавим сюда знание об экологии эмоций: экологичная эмоция порождает экологичную ситуацию (и наоборот). Эту зависимость можно проследить на уже упомянутом выше соотношении: искренняя доброжелательная справедливая эмоция в этичной упаковке должна вызвать положительную эмоцию у партнера по коммуникации, что делает саму ситуацию общения экологичной. Это означает, что эмоции реализуют свою экологическую функцию.

Интересно отметить, что среди эмотивов (упаковки эмоций), выделяемых ранее, появляется еще один тип: сама ситуация также является эмотивом. Последнее замечание как нельзя лучше демонстрирует взаимозависимость эмоции и ситуации. И экологическая функция эмоций, подчеркнем, состоит в том, чтобы не унижить другого человека, не заставить его страдать и переживать.

При обучении основам эколлингвистики эмоций необходимо также рассказывать о таком умении, как рационализация эмоций (подчинение их разуму), а также напоминать о взаимосвязи экологической функции эмоций с регулирующей или тьюнинг-функцией. Человек обязательно должен отрегулировать, прежде всего, самого себя, прежде чем он захочет воздействовать на своего коммуникативного партнера. Это знание об эмоциях позволяет использовать их в реальном общении экологично, т.е. без вреда для партнеров по коммуникации.

Приведенные выше соображения и примеры свидетельствуют о том, что данное понятие нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. Работа в этом направлении будет плодотворной в тесном сотрудничестве эмотиологии и лингвоэкологии.

Необходимо отметить, что обучение экологизации общения может осуществляться только с опорой на перечень параметров экологичного общения (вежливость, толерантность, уважение, сдерживание негативных эмоций, поощрение, положительное оценивание, равные коммуникативные права и др.) [12, с. 23–24]. Формулой экологичности предлагаем, как уже сказано ранее, считать искреннюю доброжелательность в этичной (а)вербальной упаковке. Если условия искренности, доброжелательности, справедливости и этичности в выражении как позитивных, так и негативных эмоций выдерживаются, общение можно считать экологичным, а экологическую функцию можно включить в список функций эмоций.

Параметры экологичного общения в ситуациях общения кластируются, совмещаются, комбинируются. Могут они реализовываться и индивидуально. Все зависит от конкретных ситуаций, которые типизируются. Составить полный перечень коммуникативных эмоциональных ситуаций невозможно. Однако художественные произведения репрезентируют наиболее типичные ситуации, которые называются еще категориальными.

В качестве иллюстрации экологической функции эмоций приведем типичную (категориальную) коммуникативную эмоциональную ситуацию супружеской ссоры, талантливо изображенную в рассказе «Ярость» С. Барстоу [1]. Мы разделяем тезис У. Эко о том, что каждый читатель выступает соавтором текста [13], поэтому позволим себе собственную интерпретацию произошедшего между художественными персонажами конфликта. Поскольку этический параметр является одним из главных составляющих экологичного общения, его несоблюдение затрудняет или полностью исключает реализацию экологической функции эмоций в коммуникации.

Главная героиня рассказа, миссис Флечер, предстает перед читателем в комментарии автора особой, которая *была женщиной эмоциональной, цепко держалась за то, что считала своим, и готова*

была энергично защищать свои права. Вечно, как ей казалось, что-то мешало ей безраздельно владеть Флечером. На сей раз это были кролики. Из 15 признаков эмоционального этикета она вообще не соблюдала 8. В ее общении с мужем не было: простоты общения, юмора, ненавязчивости, ненавязчивой опеки, последовательности, серьезности, принципиальности без морализирования.

7 из них она грубо нарушила: была фамильярна (*Что еще? Что еще случилось? И у тебя хватает нахальства сидеть тут, задрав ноги, и спрашивать меня? Я, по-твоему, совсем уж дура, да? Это ты дурак, только тебе самому невдомек. Думал, тебе все с рук сойдет? Неужто думал? Мог бы догадаться, что кто-нибудь тебя там увидит. Выбрал тоже местечко, автовокзал, где народу полно!*), не доверяла (*Почем я знаю, чем ты там занимался, пока я тут одна сидела?*), была требовательна и придирчива (*Мне надо, чтобы я могла с тобой выходить в субботу вечером. Смотри мне*), не была доброжелательна, была упряма, не уважала точку зрения мужа, проявляла безразличие (*Большой сарай раньше был битком набит клетками, но теперь Флечер сосредоточился на нескольких зверьках, в которых верил. Однако, по мнению миссис Флечер, и этих было слишком много; она ни с кем и ни с чем не хотела его делить, и, глядя на его увлеченную возню с кроликами, она сильнее, чем нужно, налегала на острый нож, которым резала картошку. Переносная клетка с кроликами стояла у двери. Миссис Флечер не проявила интереса. Она сказала: «Думаешь, успеешь вернуться к началу сеанса?»*), принимала поспешные и импульсивные решения (*Миссис Флечер пронзила соседку взглядом. Чего это она? Знает же отлично, что ее сестра уже год, как живет на юге. Миссис Флечер вспыхнула, повернулась и пошла в дом. Она накинулась на него, едва только входная дверь отгородила ее от миссис Сайкс, которая все еще мешкала во дворе*). Низкий эмоциональный интеллект и игнорирование формулы «искренняя доброжелательность в этичной упаковке» в конечном итоге привели к вымещению ярости и ревности на кроликах, которых она зарезала кухонным ножом (*Она чуть не крикнула. Заживем! Ох, и почему она его не послушала! Почему, почему, почему? Если бы только услышать его раньше! А теперь у нее только и было, что этот миг. И больше ничего никогда не будет – ничего после того, как утром он выйдет во двор и увидит убитых кроликов клетках*).

Главное в экологической функции эмоций в коммуникации – возвышать человека. Мы полагаем, что положительная (позитивная) эмоция самовоспитуема и самотренируема. Регулирует ее эмоциональный интеллект. Если бы миссис Флечер обладала развитым эмоциональным интеллектom, она сдержала бы свой первоначальный импульс выместить ревность, обиду, злость на кроликах, смогла бы разобраться в своих эмоциях и рационализировать их, справилась бы со своим подавленным настроением, поддержала бы мужа, поговорила бы с ним до того, как позволила эмоциям возобладать над разумом, что и привело к тому, что она в ярости убила кроликов – невинное увлечение своего мужа, мистера Флечера.

Цитируемый рассказ представляет собой уникальную иллюстрацию всей лингвистической теории эмоций и ее экологического аспекта, поскольку в нем художественными средствами изображена типичная коммуникативная неэкологичная эмоциональная ситуация, эксплицитные и имплицитные искренние и неискренние эмоции персонажей. Данное художественное произведение наглядно иллюстрирует, как были нарушены параметры экологичного общения и как обоим персонажам не удалось реализовать экологическую функцию эмоций. Никто из них не почувствовал себя лучше после всех ссор, а сам конфликт получил трагическую развязку.

Литература

1. Барстоу С. Ярость // Моск. новости. № 3. 2001.
2. Изард К. Эмоции человека. М. : Изд-во МГУ, 1980.
3. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности : Сб. науч. трудов. ВГПУ. Волгоград : Изд-во ЦОП «Центр», 2004 С. 4–24.

4. Ионова С.В. Неэкологичное общение в «приличной» упаковке // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике : Сб. науч. трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013. С. 323–332.

5. Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Изд. 3-е. С. 222–228.

6. Сиротинина О.Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 293–307.

7. Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140–161.

8. Солодовникова Н.Г. Авторский курс проф. В.И. Шаховского «Язык и эмоции»: формирование эмотивной компетенции коммуникативной личности // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сб. науч. трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. С. 13–20.

9. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий // под ред. докт. пед. и философ. наук, профессора Л.Г. Татарниковой. СПб. : ИД «Петрополис», 2011.

10. Черезова Л.Б. Теория и методика экологического образования детей. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010.

11. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.

12. Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31). С. 22–29.

13. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М. : Симпозиум, 2005.

The ecological function of emotions

Substantiated is the ecological function of emotions; the essence of the ecocentric shift in the human mind is analyzed, the sources of science ecologization are specified.

Key words: emotive ecolinguistics, ecological function of emotions, science ecologization, ecocentric shift.